

— Вы такой большой, как и Большой театр, — как-то в шутку бросила я однажды Владимиру Анатольевичу Маторину. — Я еще больше, — добродушно отпарировал этот могучий человек.

Добродушие и юмор в певце Владимире Маторине — хоть отбавляй. Равно как и душевной стойкости, воли и характера. Все — при нем. А еще он очень любит все родное: людей, культуру, саму землю, по которой ходит.

Иным местам отдыха предпочитает волжские просторы. Мировой певческий ранг отнюдь не заставляет его гнушаться концертов в маленьких городах России. А недавно Маторина не оставила даже возможность разрыва престижного зарубежного контракта, когда дела творческие и миссия, прямо-таки патристическая, потребовали прилететь в Москву на один день. По западным условиям артист, заключивший контракт, иногда даже шага в сторону не имеет права сделать. А здесь прерывались на день запланированные репетиции. Однако артист заявил улыбаясь, но неуступчивым швейцарцем: «Или вы меня отпускаете, или я прекращаю с вами работать!..» Он принял решение, потому что почитал долгом чести приехать откуда угодно в Москву, чтобы петь Бориса Годунова в Большом театре в день 125-летия со дня рождения Ф.И. Шаляпина.

— Я безумно люблю «Бориса Годунова» именно в той постановке, что идет на сцене Большого театра, — говорит народный артист России Владимир Анатольевич Маторин. — Благодаря ему я и стал артистом. Ведь это был первый оперный спектакль, потрясший воображение. Я тогда и в оперу-то толком не ходил. Так, было групповое посещение в 67-м году. Но до сих пор помню, как Огнiewicz — Годунов упал в сцене смерти Бориса. Я все думал тогда: «Надо же, он сплыв упал, через три ступеньки перевернулся!» И так это запало в душу, что Борис шел за мной с тех пор неотвязно. Вот так и получилось, что на предпоследней экзаменационной сессии в институте Гнесиных я пел сцену смерти Бориса, а дипломным стал его монолог «Скорбит душа». Это было в 74-м году. А за год до этого я, еще студентом, наслаждался концертом в честь 100-летия со дня рождения Шаляпина, который слушал в Большом театре. Тогда пели Гнатюк, Нестеренко, Огнiewicz... Петь во славу Шаляпина на сцене Большого мне самому довелось только через 20 лет. Это тоже был юбилейный концерт, который транслировало телевидение. Но, на мое счастье или несчастье, оба раза, когда я выходил на сцену, по телевизору начинались «Новости», и меня из программы просто «вырубали». Так что широкая аудитория меня и не слышала. Теперь же сбилось то, о чем я уже и не мечтал. Представляете, спел Бориса Годунова в любимой постановке Большого театра в день памяти Шаляпина! Для русского человека, а для баса особенно, это больше чем праздник. Это — святое.

Партия Бориса Годунова — одна из лучших в репертуаре Владимира Маторина. Она — в числе работ, за которые артист выдвигнут на соискание Государственной премии 1997 года в области литературы и искусства. Первым же в этом списке работ Маторина стоит роль Ивана Сусанина в одноименной опере Глинки.

Прекрасный спектакль возобновили в Большом театре в 1997 году. «Иван Сусанин», поставленный дирижером Арием Пазовским, режиссером Леонидом Баратовым, художником Петром Вильямсом и балетмейстером Ростиславом Захаровым. Эта постановка впервые увидела свет 10 января 1945 года. И появление ее на сцене Большого театра было результатом глубоко продуманной политики: страна побеждала в невиданной доселе войне, и народ, выносящий на своих плечах нечеловеческую тяжесть, уже и предчувствовал победу, но был и сильно измучен. Дать людям возможность глубже почувствовать радость этой победы, сопереживая с художественными образами огромной силы, как бы еще раз взглянуть в себя, ощутить свою духовную мощь, живительные силы родной земли, выливающиеся в ее напевы... Такой была сверхзадача монументальных постановок русских опер на сце-

щаешь себя пилотом, которому говорят: вот у вас четвертый двигатель отказал, и третий уже не работает, и крыло отвалилось... Сажайте как хотите. Кто знает, что артист каждый антракт меняет по две рубашки — они насквозь мокрые. На сцене жарко и от осветительной техники, и публика дышит... Иногда кислорода на всю фразу не хватает. Публика съедает, что делать... А перед последним спектаклем здесь, в Москве, были у меня две бессонные ночи и перелет. Думал, что не допью Бориса до конца, но Бог милостив. Но все это — наша кухня, как и любая другая кухня. А это всегда интересно для непосвященных.

Маленькая биографическая справка: Владимир Анатольевич Маторин — москвич, из семьи военнослужащего. В 1974 году, еще будучи студентом института имени Гнесиных, успешно принял участие в конкурсе имени Глинки. Вслед за этим, также успешно, — в конкурсе вокалистов в Женеве. После окончания института работал в Московском академическом музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, где пел практически весь басовый репертуар. В 92-м году Владимир Маторин стал солистом Большого театра. У него огромный концертный репертуар. Артист побывал на всех континентах, кроме Африки. В 97-м году роль Сусанина была первой, которую он исполнил с новым титулом — уже будучи народным артистом России.

БОЛЬШОЙ АРТИСТ БОЛЬШОГО

Штрихи к портрету Владимира Маторина

Мат. Россия, — 1998 — 27 марта с. 13

не Большого в конце 40-х — начале 50-х годов.

Возобновление постановки «Ивана Сусанина» было представлено публике 20 февраля 1997 года накануне Дня защитника Отечества. В этом не было ничего преднамеренного. Просто совпадение. Но многие почувствовали в происходящем нечто символическое.

Сусанин произносит слова, которые, как клятву, повторит каждый, для кого понятия Родина и Отечество всегда видятся словами с большой буквы.

Легендарный Осип Петров был первым исполнителем роли Сусанина в опере Глинки. Замечательно пел эту партию Владимир Касторский. Для Шаляпина роль Сусанина не была ролью жизни, но именно Сусанин заставил молодого певца впервые задуматься об интонационной сфере омузыкаленного слова, о гриме и костюме в спектакле.

В советское время выдающиеся исполнители роли Сусанина на сцене Большого театра — это Максим Михайлов, Марк Решетин, Евгений Нестеренко, Иван Петров, Александр Ведерников...

Владимир Маторин впервые вошел Сусаниным в спектакль Большого театра в 1989 году. Спектаклю было возвращено название «Жизнь за царя». Постановка была осуществлена под руководством главного дирижера Большого театра Александра Лазарева. Это была добротная работа Владимира Маторина, но увиденное и услышанное нами в 97-м году убедило, что на сегодня Сусанин Маторина — наверное, лучший Сусанин на отечественной сцене.

Голос у Маторина необычайно красивый по тембру, такой же могучий, как и он сам. Вокал благороден. Отношение артиста к слову самое уважительное, какое теперь не часто встретишь. Певец проникновенно доносит каждую букву, уделяя большое внимание тембровой и интонационной окраске слова. Он красиво фразирует, а в смысле освоения роли Сусанина — чувствуется, что артист живет в ней.

— Вообще я веду досье на своих героев, — говорит Владимир Маторин, — это может не пригодиться, но надо все про персонажа знать. И какого он роду-племени, и каков его портрет в деталях. Когда я пришел в театр Станиславского, две замечательные актрисы и режиссеры впоследствии — Татьяна Юдина и Майя Мельцер работали со мной над ролью Базилио. И первый их вопрос на первой репетиции был: откуда Базилио пришел и во что он одет? Я про себя фыркнул: мне бы ваши заботы... А теперь тому же самому учу студентов. Деталька к детальке подбираться. И нечто потихонечку, как супчик, варится. И до чего-то доваривается. Тело твоего героя становится как бы твоим. И его переживания тоже. Но вот насчет натуральности переживаний... У Шаляпина об этом хорошо написано... Вот слеза появилась, и думаешь: ух, Сусанин плачет, а при плаче голос начинает клокотать. Потому что настоящая слеза — она не в глазах, а в горле. Рывдания-то в нем. А зачем же в зале театра зритель будет нечленораздельное клотание слушать? Значит, надо как бы моделировать переживание... Надо и играть, и петь, и одновременно смотреть и слушать себя со стороны. Оперное действие — сложный процесс. Меня недавно спросили: а как вы относитесь к стрессу? Я же отвечаю: а как к нему относиться, если это, собственно, суть моей жизни? На Бориса Годунова надевают красивые одежды, а они весят — о-го-го!.. Выходишь на сцену и думаешь: не дай Бог споткнуться и упасть, тогда спектаклю — могила. Публику не удержишь потом от смеха при каждом твоим следующем появлении. Какая там трагедия? А иногда поешь и ощу-

И пою ее как молитву. Стоит Сусанин на пороге смерти. Плохо, что не исповедался, не причастился. Но все-таки нашел уголок, помолится и как-то успокоится. Я раньше пел: «Ты укрепи меня...» — и была какая-то тень неуверенности, сомнения. А сейчас: «Ты укрепи меня...» Уже все. Он напереживался, но теперь спокоен. С ним — Бог. Я много видел видел Сусаниных, и от многих отдавало секретарями обкома, которых должны были слушать, что бы те ни говорили. Да нет тут никакого императива. Простой русский человек. Улыбчивый, добрый, и все вроде бы хорошо. Конечно не складно, что пока в государстве нет царя. Что поляки, как снег на голову, пришли. А все остальное хорошо: дочку Сусанин замуж выдает, припасы сделаны, сейчас выпьем и закусим. И парень хороший, за которого Антонида выходит. И младшенький приемный сынок подрастает — скоро служить пойдет в войско. А главное, что счастливая весть приходит — быть на Руси новому, законному избранному царю. Близок праздник... Мне особенно дорог Сусанин, потому что он — костромской, — продолжает артист. — Удивительный народ — костромичи. Я тянусь до них, но нам, москвичам, это сделать трудно. Потому что в Костроме — там другие люди. У них другие масштабы. У них земли — навалом. Я еду на машине — стоит мужик. Я спрашиваю: «Где можно меду купить?» Он говорит: «Там у меня пасека есть, поедем — вот, в соседней деревне». Доезжаем. Он спрашивает: «Как машина бежит?» Чувствует, что в ней много неладного. «Давай, — говорит, — посмотрю». Посмотрел, что нужно подкрутил, налил масла... В общем, починил машину. Я спрашиваю: «Сколько я тебе должен?» А он: «Нисколько». Подарил мне меду, мешок яблок, дал зелени: «Чем-то вас там, в Москве, кормят?» Да, деревня маленькая, но какая-то космическая.

И я поехал дальше. И как открывается занавес в первом акте «Сусанина» — так было и у меня. Дорога — и такой скос идет километров на шесть вниз. Вид с дороги, как с самолета, как у летчика, — миллион на миллион. Березы — золотые и люди такие радужные.

Вот об этом и «Сусанин». В опере столько искренности, и доброты, и задушевности. Есть монархическая тема или нет, это как бы детали. А главное — есть народ и его способность к подвигу. Его вечному подвигу. Я по мере сил пытаюсь сделать своего Сусанина не ходульным, эдаким наполовину барином, как было в прошлой редакции. Сусанин, по-моему, это один из главных типов нашего характера русского. Он никого не трогает, никого не обижает. У него участок земли. Он и сам кормится, и детей кормит. Но наступает трудный час, приходят враги, и он понимает: если не он, тогда кто?...

Людмила БОРЗЯК

Фото А. РАТНИКОВА